

Посольские обычаи в средневековом Пскове

Вся историческая псковская земля, независимо от положения будь то Изборск, Печоры, Остров, Опочка или Гдов, были изначально приграничной, сопредельной территорией Московии, России и Запада. Это пространство всегда защищало само себя, всегда воевало и охраняло западные рубежи, служило форпостом и подчас в стычках с врагами переходило из рук в руки, вновь отвоевывалось и укреплялось. Так шло из века в век. Российские великие князья и цари всегда вынуждены не упускать из виду эти земли, постоянно чтить и миловать, блюсти через них посольские обычаи, налаживать торговые и церковные связи. Первые подробные описания города Пскова, его посадов и пригородов, а так же посольских «случаев» сделали, конечно, европейские грамотеи. Это придворные послы западных стран в Московии: из Германии – маркиз де Ланн (конец XVв.), Сигизмунд Герберштейн (1517-1525 гг.), коммерсант, немец-опричник Ивана Грозного Генрих Штаден (1560-1582); посол из Дании – Я. Ульфельт (1578 г.), голландец Николаас Витсен (1641-1717 гг.), папский легат Антоний Пессевино, шведский посланник нач. XVII в. Петр Петрей. (1).

Первый из них вошел в неопишное изумление от знакомства с русским «генералом Морозом» во время продвижения на санях по Псковским озерам, когда птицы и «конские мячики» замерзли на лету. После чего иноземным визитерам стало посольским обычаем даровать шубы с царского плеча. В таких царских шубах изображен С. Герберштейн на портретах начала XVI века. А. Пессевино – папский посредник на русско - польских мирных переговорах в Ям-Запольском близ Пскова (1582 г.) предложил подписать мир на сто лет, конечно же в свою пользу, но получил отказ. Вообще посол – это царский посланник, «очи царя». Он имел вестовые писания, охранные грамоты, посольскую казну. Послы разделялись по рангам: великий посол, посланник царя, посланник города и гонцы, все они имели статус неприкосновенности. «Верющие грамоты» XIV - XVвв. со временем стали называться верительными.

С послом нельзя было разговаривать, дарить ему что-либо или угощать, торговаться с ним, обмениваться вещами - все это прерогатива самого царя или доверенных лиц. Иногда запрещалось даже приближаться к послу. Через Псков и Новгород постоянно езживали скандинавы – шведы и датчане, а также представители магистров Пруссии и Ливонского ордена. Генрих Штаден выделил один из маршрутов западных посольств: «Другой [путь]: от Порхова на Торопец, потом на Великие Луки, далее на Старицу и Волок Ламский или на Осипов монастырь, потом на ям Ильинской, лежащий в 10 милях от Москвы». (2).

Посла ни бьют, ни бранят, ни секут, лише жалуют. Посол, что мех, что ему дали, и он то и несет, - гласят русские пословицы из рукописного сборника XVII в. Послы ходют, а гонцы гоняют – говорится в старых посольских книгах. Датчанин Я. Ульфельдт, в 1578 году проезжавший через Псков, в записках сообщил о жестоком наказании местного псковича «битием батогами» за то, что он продал немного молока даже не послу, а посольским слугам. (3). Генрих Штаден не без иронии описал злоключения лекаря Е. Бомелия (Бомелиуса) в Пскове: «Доктор Елисей Бомелий пришел к великому князю во время великой чумы из Англии; получил много денег и добра и туго набил свой кошель. Затем, будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую (Pas). Проезжую взял он себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить /48/ рыбы на [124] торгу, где его узнали по говору, хотя он и был с остриженной [небритой] бородой.

Русские отыскивали его гульдены, а самого милейшего доктора повезли обратно в Москву, в

железах, залитых свинцом». (4). Для предсказателя судеб ситуация в Пскове оказалась не предсказуемой.

Количество даров порой решало успех всей миссии, послы привозили «поминки» или «жалования»: соболя поштучно или сороками, кубки, оружие, перстни, соколов, коней. Дипломатические поминки стали нормой обычаев при Иване III и послам иногда выговаривалось, что «поминки легки привезоша». Так, в 1474 году он не принял псковского посла по этой причине. (5).

В 1579 г. гонец В. Лопатинский привез Ивану Грозному «разметную грамоту» от Батория из-под Пскова. Послу было сказано: «Которые люди с такими грамоты ездят, и таких везде казнят; да мы, как есть государь христьянский, твоей убогой крови не хотим...» Послы Быковский и Лопатинский отпущены восвояси. Такому послу по одному грозному знаку царя могли бы просто прибить шапку гвоздем к голове, как это изображено на голландской гравюре из Двинской летописи XVII в.

Псков для Ивана Грозного стал не только подвластной вотчиной, но и родословным, династическим уделом, составной частью владений. По преданиям XV века через Варлаамовские ворота 13 сентября 1472 года в Псков въехала Софья Палеолог, византийская невеста Великого князя Ивана III Васильевича, то есть – бабка злбонравного царя. По летописи XV в. она останавливалась на ночлег «у Николы в Устьях». (6).

Это было первое, наиболее представительное европейское византийское посольство в Пскове. Многолюдная процессия носила показательный, политический характер. После отъезда царской невесты деревянная церковь Варлаама Хутынского, построенная по обету в один день для избавления Пскова от мора, была перестроена в каменном исполнении. В 1480 г. начался новый подъем московской дипломатии, вместе с этим постепенно стали изменяться и посольские ритуалы. Вместо восточных обычаев в них все чаще вводились европейские традиции «дабы с честью и з дары не чинить обиды». С конца XV столетия русские послы стали выезжать за рубеж, имея карты только европейские, а свои знали только как рукописные кроки. Выезды послов были «по случаю», как правило, с купеческими торговыми миссиями. Сам же Иван псковские земли всегда держал под пристальным вниманием, как приграничный форпост начала Ливонской войны, а в переписке с польскими, шведскими и литовскими правителями превозносил свое цареградское происхождение. Когда в 1576 г. на польский престол избрали трансильванского («семиградцкого») князя Стефана Батория, Иван Грозный не признал его «братом», то есть равным по происхождению, «одинаким по уровню», степени власти, по причине «родственной низости». Он настаивал на превосходстве правителя наследственного над монархом выборным. Сам он – государь «по божьему изволению», а Баторий, с которым предстояло вести открытую войну, – «по монгомятежному человеческому хотению». Есть большая разница. Русский государь призван «владети людьми», а польский – всего лишь «устраивати их». В колкой переписке Грозный прямо заметил укором: «Тобе со мною браниться – честь, а мне с тобою – бесчестие». (7).

В своих посланиях русские государи от первого лица издавна говорили о себе во множественном числе – мы. Хотя Баторий впервые обратился к русскому царю на «вы», а до него польские короли писали «тобе, ты», он в тайне помышлял нападение на Псков, «устраивать» приграничные земли. Термин дипломатии и политики «братство» становился все более условным. Когда в 1495 г. великий князь литовский Александр Каземирович женился на Елене Ивановне, сестре Василия III, последний назвал его «братом и зятем», а короля Сигизмунда I – соответственно «братом и сватом». Но Иван Грозный в свое время этого не признал. Польским послам он заявил, что если бы даже Баторий был сыном Сигизмунда II Августа, то и тогда он оказался бы царю не братом, а лишь племянником. Братом же Баторий в таком случае мог считаться только царевичу Ивану Ивановичу. При этих словах, как записали послы, Грозный «на сына своего пальцем вказал, бо тута подле него сидел...» В результате известных драматических событий под Псковом, после долгих

переживаний и раздумий Иван Грозный разрешил поставить «съезжий шатер» для переговоров с Баторием не на прежней границе с Речью Посполитой, а в Ям-Запольском, неподалеку от Пскова. В шикарном, ярко разукрашенном шатре в 1581 г. должны быть подписаны договорные грамоты. Сам грозный царь блистал, конечно же, - своим отсутствием. Он не выказывал никаких положительных эмоций и может потому, что на стороне «Черехинского сидельца» - Батория одним из его польских отрядов при штурме Пскова командовал князь Андрей Курбский, заочно приговоренный свирепым владыкой к смерти. Иван Грозный имел склонность проезжать и делать набеги на города и веси своих же вотчин. Известны его походы на Казань, Тверь, Вологду, Белозеро, на Новгород дважды и в Псков тоже дважды. «Вороночь, Воронечь, Вороначь и Вороничь, как этот пригород называется в русских летописях, один из немногих древних Псковских пригородов, который посетил царь Иван Васильевич Грозный. Летопись сообщает, что в 1547 году царь Московский Иван Васильевич с братом своим князем Георгием и посольством был в Новгороде, а оттуда заезжал в Псков и Вороночь: «В лето 7055 (1547) Князь великий Иван Васильевич да брат его Георгий быша в Новгороде; и во Пскове месяца декабря 28, в неделю, одну ночь ночевал и на другую ночь на Вороничи был, а третью ночь был у Пречистой в Печерах паки во Пскове в среду, и быв немного и поезде к Москвы...» (8).

«Иван Грозный смиренно ночевал в доме Пречистыя Богородицы и дал обители грамоту – не велел он судить игумена Корнилия с братией и укрывавшихся в них чухонцев...» (9). Более того, он лично сам разрешил о. Корнилию строить вокруг монастыря стены укрепления, которые во время Ливонской войны сыграли решающее значение, но оставил за собой право шемякина суда над братией обители. Часто встречи посольств носили показательный характер. В конце царствования Ивана Грозного в приказном порядке стогнали на улицы богато одетых горожан, чтобы нарочито показать иностранцам, что Россия имеет внутренний достаток и ресурсы.

«Воеводам Пскова предписывалось, дабы при проезде имперских, английских и скандинавских дипломатов «было б в городе людно, всякие б люди были теми улицами» по которым поедут послы. В Псков, например, в таких случаях собирали всех дворян и детей боярских, живущих в 20 верстах от города. В 1597 году на вопрос имперского посла А. Дона о причинах подобного многолюдства пристав должен был отвечать. Что все эти всадники в дорогом платье (отчасти полученном во временное пользование из воеводских кладовых) просто «ездют, гуляючи». (10).

Начало XVII века отмечалось небывалыми бедами – резким похолоданием, затяжным неурожаем сразу трех лет, голодом и мором. Переговоры со Швецией шли только через Псков, потому что Новгород оставался со шведами «на штыках». Шведский посланник короля Карла IX описал в своих записках апокалипсические ужасы смутного времени. *«Многие люди ели конину, кошек и крыс, навоз и отбросы ... человеческое мясо... Никто не смел открыто приносить на рынок хлеб, ибо нищие сразу же его выхватывали, - писал посланник Петр Петрей. Одна мера ржи стоила 19 таллеров, в то время как ранее стоила не более 12 эре. Люди продавали себя за гроши и давали в том запись. Родители продавали детей, - мужья жен...»* Российские беды привели к гибели правителей Бориса Годунова, пострижению Василия Шуйского и низвержению Лжедмитриев. В 1615 г. Варламовские башня и ворота Пскова выдержали длительный приступ шведского войска короля Густава Адольфа. Если полчища Стефана Батория в свое время наступали от Черехи, то Густав Адольф попытался пробить бреши в городской крепости с противоположной стороны, от Варлаамки. Переговоры с обеих сторон носили временный, военный характер. И на этот раз псковичи героической обороной и умелыми вылазками отстояли свои рубежи, за что милованы дарами и грамотой царя Михаила Федоровича Романова. Сам же молодой царь в Пскове не был, зато его дипломатические посольства в Литву и Польшу постоянно навещали здешние края, так как Смоленск осадой захвачен королем Владиславом в 1634 г. В Пскове шли переговоры с Данией о браке царской

дочери Ирины с принцем датским Вольдемаром. Его роскошный поезд прибыл в Москву в 1644 г., длительное время находился там, но не все гладко в датском королевстве, принц отказался принять православие. Свадьба не состоялась, а принц возвращен обратно уже при Алексее Михайловиче. Царь Михаил внезапно умер, возможно от водяной болезни, 13 июля 1645 г. (11). Дипломатические переговоры с Польшей длились три года с 1663-67 гг. и велись из Пскова. Их возглавлял Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, особое доверенное лицо Алексея Михайловича.

В начале 1666 г. он на съезде с польскими миссионерами на этот раз в звании «великого и полномочного посла». (12). С собой во Львовское посольство он возил почитаемый образ Казанской Богородицы – подарок царя. *«Перед образом Пресвятыя Богородицы, который был с ним отпущен из государственного дому сверху, именуем Казанские образ Богородицы, и прося неотступно милости во вседневных молебнах во священнической октенье...»* (13). Почитаемая икона долго хранилась в Пскове, с ней связано и строительство храма, не сохранившегося до наших дней, и приезд царственных особ на поклонение ей. (Приезд Александра I в Псков в 1819 г.) Алексей Михайлович внес большие дары, милости и вклад в Николо-Любятовский монастырь за помощь в подавлении бунта (1659), а старец Антоний Нащокин с 1675 г. стал его настоятелем в чине строителя.

В 1663 году А.Л. Ордин-Нащекин возглавил посольство в Речь Посполитую во Львов к королю Яну Казимиру. Переговоры шли в крайне обостренной обстановке, но ему все же удалось отстоять интересы России и подвести важное дело к Андрусовского соглашения 1667 года о мире и границах с Польшей. Стараниями большой жизни А.Л. Ордина-Нащекина дипломатические обычаи приняли новый, более цивилизованный характер, они приобретали вид дипломатического церемониала на уровне европейского этикета. Постепенно сглаживались контрастные различия и противоречия посольских средневековых норм. Россия стояла на пороге кардинальных петровских нововведений.

Ю.Н. Турандин. Псков. Преподаватель

истории, пенсионер. 2011-15.

Примечания:

1. А.Н. Кирпичников. Псков XVII в. глазами иностранца. 2011.
2. Генрих Штаден. Указ. Соч. ч. 3.
3. Возможно, связан этот случай с угрозами эпидемии болезней в городе и ее распространения. (Ю.Н.)
4. Генрих Штаден. Указ. Соч. ч. 3.
5. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется», с. 47.
6. Псковский летописец. № 1. 2011.
7. Послания Ивана Грозного. М-Л, 1965. с.153.
8. Полн. Собр. Русских летописей. т. 4, с. 306-307.
9. Свято-Усп. П-Печ. Монастырь 525 лет. 1998. с. 23.
10. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется», с. 65.
11. Энциклопедия Российской монархии. М. 2002. с. 331.
12. Воевода. П. № 2. 2004.
13. Псковский летописец. № 1. 2011, с. 52.

Литература:

- Кирпичников А.Н. Псков XVII в. глазами иностранца. 2011.
Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется». М. 1988.
Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М. 1975.
Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М. 2006.
Энциклопедия российской монархии. М. 2002.
Псковская энциклопедия. П. 2009.
Полное собрание русских летописей. Т. 4.
Генрих Штаден. Записки о Московии. Ч.3. страна и правление московитов. (л.1-50) пер. И.И. Полосина.
Псковский летописец. 1. 2011.
Послания Ивана Грозного. М-Л, 1965.
Ж-л Родина.
Воевода. П. №2, 1.10. 2004.